

3.1. Сущность социокультурного подхода

В своей совокупности социально-массовые явления (прежде всего – социальная масса, массовое сознание и массовая культура) представляют собой не простой конгломерат феноменов, а определенную целостность, одни элементы которой органически взаимосвязаны с другими, то есть систему. Одновременно каждый из названных феноменов теснейшим образом связан с комплексом «общество – общественное сознание – культура», и потому подлинно научное познание этих объектов, наряду с исследованием их собственных качеств, свойств и внутренних взаимодействий, должно быть направлено на изучение детерминирующего воздействия, определяемого закономерностями макросистемы (80, с. 24). Полагаем, что именно такое видение программы исследовательских действий может способствовать реальному продвижению в деле создания теории социально-массового и на этой основе обоснованию закономерности появления ряда новых процессов, которые начали приобретать с конца XIX века глобальный характер: невиданного прежде роста удельного веса массовых явлений в жизни общества, формирования новых бурно развивающихся элементов в этой системе.

При всей своей относительной новизне и оригинальности угла зрения на социально-массовые явления, ни социально-психологический, ни ортегианский подходы не позволяют решать названные выше задачи. Первый – в

силу того, что он ориентирован на изучение достаточно узкой по охвату части системы социально-массовых явлений, второй же – в связи с определенной гипертрофией роли в жизни общества духовной культуры (в особенности ее этической составляющей) и духовной элиты при гораздо меньшем внимании к другим компонентам культуры и социальным факторам становления социально- и культурно-массовых явлений.

Сильной стороной ортегианского подхода является диагностика сдвигов в социально-культурной структуре общества и предостережения на случай дальнейшей деэлитаризации и роста в западном обществе массового начала, связываемого прежде всего с низкими стандартами духовных ценностей – этических, эстетических, с перестройкой программ-деятельности индивидов с творческих на стяжательские. Однако в рамках этого подхода отсутствует системный анализ важнейших факторов массовизации современного общества, хотя Х. Ортега-и-Гасет и выделяет ряд таких факторов, в частности, переход к либеральной демократии в политике, бурный рост науки и индустрии («техники»), демографический (резкий рост народонаселения Европы всего за столетие). В то же время оказались практически вне сферы внимания другие существенные процессы, определяющие характер новых социально-массовых явлений: массовое производство и потребление, урбанизация, становление СМИ и художественной «массовой культуры», превращающихся в монополистов глобальной культурно-коммуникативной среды и в важнейший источник массовизации.

Ограниченными оказываются и прогностические возможности данного подхода, если, конечно, не иметь в виду сугубо апокалиптические мотивы и предсказание грядущего упадка цивилизации, погружения общества в пучину «нового варварства». Так, ортегианский культурцентристский подход не позволяет рассмотреть насущнейшие для дня сегодняшнего проблемы техносферизации общества и

человека, аспекты «антропологической катастрофы», связанные с массовой утратой биосферных свойств и признаков «рода человеческого» и перспективами трансформации человека в постбиологическое существо, а также ряд других массовых явлений формирующегося ныне постиндустриального общества.

Впрочем ожидать подобного масштаба прогностического дарования от ученого в ситуации, когда даже писатели-фантасты 30–60-х годов XX века не смогли предвидеть масштабов и темпов нынешних социальных и технологических изменений, значит впасть в иллюзию и приписывать ученому-исследователю качества демиурга будущего, Бога-творца.

Поэтому, учитывая достоинства и специфику ортегианского подхода как подхода-активатора, мы все же видим необходимость в обосновании иного, тесно взаимодействующего с ортегианским, но все же отличного от него подхода – *социокультурного*. Этот подход должен опираться на основные принципы и достижения современного социально-философского, социологического и культурологического знания, а также по иному рассматривать соотношение систем «общество» и «культура» и их взаимодействие с системой социально-массовых явлений.

В этой связи наиболее перспективным с научно-теоретической точки зрения представляется такое видение взаимосвязи общества и культуры, которое намечается в трудах видных отечественных философов культуры Э.С. Маркаряна и М.С. Кагана (65, 100). Основой такого видения является положение о том, что концепция культуры должна базироваться на анализе человеческой деятельности (65, с. 181). Сама эта деятельность предстает как система, элементами которой являются ее *субъекты, объекты, продукты* (создаваемые из материала объектов), а также *средства и способы* деятельности. В этой системе

культура оказывается социальным явлением, которое обнимает все, что творит *субъект*, осваивая мир *объектов*, и включает в себя последние два звена системы (то есть *продукты* и *способы* деятельности), противостоя второму ее звену – объективной природной данности. Опасаться отождествления понятий «общество» и «культура» нет оснований, так как они лежат в различных плоскостях: культура – это прежде всего продукт деятельности (хотя и несущий в себе требующие отдельного рассмотрения весьма специфические функции и свойства), общество же – *субъект* этой деятельности (65, с. 181–184). Сам тип культуры во многом детерминирован изменениями в структуре общественных отношений, структуре потребностей, в социально-демографической структуре общества; можно говорить о закономерности изменения типа культуры под влиянием изменения содержания основных видов человеческой деятельности и изменения их соотношения.

Следовательно:

- 1) исходным пунктом в исследовании социально-массовых явлений должно быть изучение базовых по отношению к ним макросистем – общества и культуры;
- 2) поскольку общество выступает в качестве субъекта культуры и тем самым определяет ее актуальное содержание, а уже вслед за этим обе эти системы определяют структуру и динамику массовых процессов, то исходным пунктом при изучении и культурных, и массовых явлений должно служить исследование наличных и существующих в виде тенденции социальных факторов во всем их многообразии, при отказе от экономического или иного детерминизма.

Дальнейшие действия по установлению основных принципов социокультурного подхода должны опираться на более ясное понимание соотношения и принципов взаимодействия макросистем «общество» и «культура».

По этому вопросу не существует единства мнений не только среди представителей различных научных школ, но даже и среди сторонников одного и того же подхода в философии культуры – деятельностного.

Так, Э.С. Маркарян в одной из своих главных работ (100) делает акцент на необходимость выделения культуры как особого *класса социальных явлений*. Он предлагает исходить из предельно общего структурирования общества, предполагающего выделение следующих классов элементов: 1) субъектов человеческой деятельности (индивидуальных и групповых); 2) сфер человеческой деятельности; 3) специфических средств человеческой деятельности. Последний класс общественных элементов совпадает у Э.С. Маркаряна с классом культурных явлений. Таким образом, в данной концепции *культура* оказывается ни чем иным, как *специфическим компонентом самого общества*. Правда, при этом в качестве *социальных отношений* Э.С. Маркарян признает лишь отношения между субъектами (индивидами и группами), отношения же между элементами культуры не являются для него в собственном смысле слова социальными. Характерной является и мысль о том, что явления культуры, будучи весьма специфичными, составляют *фундаментальный* класс элементов социальной жизни людей (100, с. 52–57).

Последняя идея Э.С. Маркаряна, явно диссонирующая с высказанными выше им же положениями, получила отклик и развитие в ряде работ М.С. Кагана. Не отрицая социальной детерминанты в развитии культуры, он в то же время выводит феномен культуры за непосредственные рамки структуры общества; управляемая социальными отношениями культура не является самими этими отношениями (67, с. 86). По сути дела, М.С. Каган предлагает абстрагировать культуру от общества и представить ее в качестве исторически сложившейся, социогенной, но в то же время обладающей автономностью, специфической

формы бытия (там же, с. 84). В его теории культура предстает не только в качестве деривата, производного от человеческой деятельности, но и, в известном смысле, в качестве *инобытия* человека.

Поскольку человек остается смертным существом, и потому возникает вопрос о способах и формах передачи социального и индивидуального наследия, то культура представляется прежде всего как внегенетически выработанный механизм трансляции программ человеческой деятельности (потребностей, способностей, знаний) последующим поколениям. Культура создается как новый, сверхприродный предметный мир, как предметное и символически-предметное (материальное, духовное, художественное) инобытие человека. При этом для своего освоения культурный массив нуждается в особом рода деятельности – распредмечивании того, что заложено в предметном бытии культуры (там же, с. 142), а это предполагает необходимость освоения культурных кодов и прежде всего знаково-символических систем. Такое последовательное опредмечивание-распредмечивание, например, перевод научной или ценностной информации в знаки типографского шрифта книги и последующая их расшифровка позволяет осуществлять функцию трансляции социального опыта, а наряду с этим – формирования и социализации человека. При подобном взгляде на рассматриваемые объекты по отношению к обществу культура представляется в качестве главного условия его полноценного воспроизводства и дальнейшего развития.

Рассматривая систему категорий «природа – общество – человек» – «культура» и соответствующую ей систему явлений, М.С. Каган приходит к выводу о недостаточности традиционного использования в социальной философии дихотомии «природа-общество» для получения исчерпывающего знания об основных формах бытия, о «модусах объективной реальности» (там же, с. 76). Ру-

ководствуясь, по-видимому, антропоцентрической установкой, ученый предлагает абстрагировать в качестве основных подсистем бытия не только природу и общество, но также и человека (как синтетическое единство природного и общественного, не редуцируемое ни к одному из этих начал, как целое, обладающее рядом качеств, отсутствующих и в природе, и в обществе), и культуру. В отличие от других подсистем, культура предстает как особая форма образуемого человеческой деятельностью предметного бытия, как «вторая природа», принципиально отличающаяся и от первозданной природы, и от бытия человека – как его инобытие, отделяющаяся от него и обретающая самостоятельное существование сфера предметного бытия, и от общества – «ни предметные продукты деятельности, ни сам способ деятельности не являются обществом» (там же, с. 84–85). Думается, что версия о соотношении систем «культура», «общество», «человек» как относительно автономных подсистем бытия, излагаемая в работах М.С. Кагана, обладает большим научно-эвристическим потенциалом в сравнении с позицией, рассматривающей культуру в качестве подсистемы общества.

Культура, возникая как антропогенное (дериват деятельности человека) и социогенное явление и выступая в качестве связующе-передаточного звена между обществом и человеком, необходимо нуждаясь в последних для своего функционирования, абстрактно может быть представлена и в отрыве от своих носителей как исторически сформированная особого рода искусственная среда, обладающая кумулятивными свойствами. Последние создают для человека обширную «зону свободного выбора»: например, ограничиться ли адаптацией к потребностям и нуждам «сегодняшнего дня» данного общества или же наряду с этим использовать возможности культуры для установления «дистанционного» общения с пред-

ставителями иных обществ и культур, разделенных как пространством, так и временем (например, находить более ценных «собеседников» и учителей в лице Платона или М. Монтеня, нежели, скажем, навязываемых в подобном качестве представителей современной поп-культуры). Максимально разнородное «дистанционное» общение позволяет человеку мыслить в историческом и цивилизационном масштабе, не превращаясь в «хронологического провинциала» (94) разумно-критически относиться к разного рода разновидностям инновационного бума, а в известных случаях и противостоять ему.

Если общество предстает перед человеком прежде всего как *действительность*, как реальная довлеющая над ним среда его существования, то культура представляется определенной сферой *возможности*, в частности, возможности относительно свободного выбора из числа аккумулированных в ее рамках программ и стратегий человеческой деятельности, аксиологических принципов существования.

Идеальное взаимодействие по линии «культура – человек – общество» видится следующим образом. Культура, выступая средством формирования программ важнейших типов человеческой деятельности – практически-преобразовательной, познавательной, аксиологической и коммуникативной (общения), обеспечивает *целостное бытие человека*. Целостно же развитый и активно действующий человек в своих взаимодействиях и ассоциациях с другими людьми обеспечивает не менее *целостное* развитие общества.

Формирующийся человек оказывается как бы под двойным воздействием: с одной стороны – под воздействием сферы действительности, наличного общества, его закономерностей, общественных потребностей, требующих от индивида выполнения определенных социальных ролей, с другой же – культура может стать для него сферой возможности, источником свободного выбора жизненных

программ, не детерминированных жестко лишь данной социальной средой. Однако такая возможность выбора осуществима при следующих неперенных условиях:

- 1) культура не является простым производным от деятельности *данного* общества, одной из *его* подсистем;
- 2) культура не сводится к ее актуальным, инновационным (пусть и бурно прогрессирующим) элементам, а рассматривается как целостное наследие;
- 3) она не подменяется квазикультурой, например, «массовой культурой» (а подобная опасность сегодня реальна).

Культура по отношению к обществу со свойственной для него стихией процессов и инноваций выступает в роли стабилизирующего начала, «заповедной зоны» его родовых основ, которые могут быть востребованы и регенерированы, то есть является своеобразным «поясом безопасности» общества. Если же возникает тенденция к действительному превращению культуры в простую подсистему наличного общества (например, «массового», техногенного) и элиминирования из нее всего ее прежнего содержания при сохранении и трансляции лишь его новейших элементов, то такая культура из защитного слоя человекотворческого процесса, обеспечивающего воспроизводство широкого многообразия личностных и социальных типов, может превратиться в простой инструмент унифицирующей социализации, своеобразный «инкубатор» социально-массовых качеств. В этом случае из процессов воспроизводства человека и общества полностью будет изъята сфера выбора и общество неуклонно будет двигаться в направлении своей массовости и одномерности.

Таким образом, полнообъемная, неурезанная трансляция всего спектра культуры превращает последнюю в

защитный буфер от массовизации индивидов, а следовательно, и общества; попытка же использования механизмов культуры для тиражирования заранее заданных по параметрам общественно целесообразных социальных типов ведет к обратным результатам, а также выхолащиванию содержания самой культуры, редукции ее к простой производной от конъюнктуры данного общества. Такого рода ситуация может выглядеть желанной и час-то складывается при правлении тоталитарных, олигархических или бюрократических элит.

В целом наиболее важные составляющие диалектики общества, культуры и социально-массовых явлений можно представить следующим образом:

- 1) массовые, то есть «индивидуально» и социально однородные черты и характеристики индивидов, а также специфические формы и содержание этой массовости продуцируются прежде всего обществом, наличной социальной средой (экономической, политической, коммуникативной, образовательной и т.д.), соотношением основных деятельностно-движущих факторов данного социума;
- 2) культура:
  - а) может и призвана служить альтернативой массовости (целостная, полнообъемная, невыхолащенная культура);
  - б) однако редукция культуры к репродуцированию стереотипных «жизненных программ» (в том числе сугубо инновационных) может превращать ее в дополнительный механизм массовизации;
- 3) реальное, динамично развивающееся общество должно представлять собой единство в многообразии, что является одним из главных условий его полноценного и динамичного развития.

Замена же многоцветья личностных и социальных типов унифицированным единообразием индивидов уже сама по себе несет угрозу вырождения общества, подрыва его творческих потенций. Поэтому существование социально-массовых явлений и процессов может признаваться допустимым только в пределах определенных пропорций по отношению к явлениям элитарного и индивидуального характера, в качестве фрагментов общественной жизни, но не в качестве доминирующих в ней сил. В противном случае создаются предпосылки для полного омассовления и общества, и культуры, и личности и их последующей деградации.

Фиксация решающей роли общественной системы и социальных факторов в формировании социально-массовых явлений позволяет нам предположить, что именно анализ изменения самого общества, а вслед за этим и культурных изменений, является ключевым пунктом в поисках ответов на вопросы о зарождении и эволюции социально-массовых явлений. Именно такой анализ создаст возможность:

- а) выявить закономерности смены основных этапов и форм существования социально-массовых явлений;
- б) установить временные границы и основные факторы омассовления общества, превращения его в «массовое»;
- в) определить основные тенденции и перспективы дальнейшего развития социально-массовых явлений.

Объем данной работы не позволяет нам осуществить *развернутый* анализ смены форм указанных явлений на протяжении всей истории человечества, поэтому мы намерены сосредоточить внимание на решении двух последних из числа названных выше проблем.

Для того чтобы приступить к рассмотрению этих проблем, необходимо коснуться вопроса о смене основных

исторических типов общества, связанной прежде всего с изменением соотношения его деятельностно-движущих сил и появлением новых социальных и культурных факторов. В анналах современной социальной мысли можно найти несколько различных подходов к проблеме принципов периодизации общественной истории.

В свое время марксистская теория общественно-экономических формаций явилась громадным шагом вперед по сравнению с хаосом и произволом, царившими во взглядах на развитие общества у домарксовских мыслителей. Формационная теория, знаменовавшая собой серьезный прорыв в научно-теоретическом осмыслении основных этапов и закономерностей общественного развития, сегодня все больше обнаруживает свои исторически обусловленные познавательные-прогностические границы. В основе осмысления перспектив общественного развития в марксизме оказался умозрительный общественный идеал (хотя и весьма привлекательный) – коммунистический, однако последующая практика опровергла такой сценарий развития событий мировой истории. Социально-научное творчество основоположников марксизма пришлось на начальные этапы становления и развития промышленного способа производства и зарождения индустриально-урбанистических обществ, и не их вина в том, что реальные перспективы развития и многие конкретные черты сегодняшнего бурно изменяющегося мира не могли быть ими осмыслены и предсказаны.

Марксистская методологическая схема общественно-исторического процесса, оказывающаяся относительно дееспособной в описании и объяснении доиндустриальных и раннеиндустриальных форм общества, обнаруживает свою недостаточность, как только дело касается реалий жизни общества второй половины XX века. Для современного общества характерно быстрое старение традиционных форм жизни и появление новых форм,

рождение новых противоречий, не разрешимых традиционными способами. Как отмечает А.Н. Кочергин, современный мир «вступает в полосу феноменов, не имеющих аналога в истории» (2, с. 29). И только тщательное изучение этих новых феноменов, их учет и включение в системную модель движущих социальных факторов позволит полноценно анализировать и прогнозировать развитие общества в целом и социально-массовых явлений в частности.

В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс в качестве фундамента общественного развития рассматривали способ производства материальных благ, связанный с определенным типом производственными отношениями, коренящимися в отношениях собственности, продуцирующими классовое разделение. Позже в понимание способа производства были внесены новые идеи и подходы как западными, так и некоторыми российскими социологами (75, с. 188). Так, А.М. Ковалев разработал понимание способа производства общественной жизни, интегрирующее в себе способ производства человека, материальных благ и географической (окружающей) среды. С более широких общесоциологических позиций он выделил следующие способы производства и соответствующие им этапы общественного развития:

- 1) собирательный;
- 2) земледельческий;
- 3) промышленный;
- 4) научно-технологический (основанный на решающей роли научных знаний о мире и социуме и на соответствующим образом организованных технологиях его развития).

Такое понимание способа производства позволяет осуществлять более широкий анализ изменений не только в системе «общество», но и в системах «природа» (в част-

ности – окружающая среда, биосфера) и «человек» (как меняющееся биосоциальное существо).

Серьезные основы имеет под собой получившая в последнее время широкое признание научного сообщества и все чаще фигурирующая в исследованиях и публикациях авторитетных авторов модель этапов общественного развития, разработанная в основном в рамках западной социологии. Эта модель предполагает выделение следующих стадий развития общества:

- 1) доземледельческое;
- 2) земледельческое;
- 3) индустриальное (промышленно-городское);
- 4) постиндустриальное (основанное на росте удельного веса знаний и информационных технологий, третичной сферы в способе производства).

Понятие «общество» в данном случае фиксирует общие черты и характеристики, свойственные многим наиболее динамично развивающимся социальным организмам (лидерам мирового прогресса). Локализация же и конкретизация этих характеристик, опосредованных национально-культурными особенностями этносов реализуется в форме многочисленных цивилизаций. Каждому из этих этапов соответствуют и свои периоды цивилизационного развития:

- 1) доцивилизационный период;
- 2) земледельческие цивилизации (раннеземледельческие, античные, средневековые);
- 3) промышленно-городские цивилизации;
- 4) формирующаяся всемирная информационно-ноосферная цивилизация.

Следует иметь в виду и традиционную, более дробную, учитывающую многочисленные реалии и особенности конкретно-исторического процесса схему развития общества:

- 1) первобытная эпоха;
- 2) период ранних (в основном – древневосточных) цивилизаций;
- 3) античность;
- 4) средневековье;
- 5) Новое время;
- 6) Новейшее время (с подвижными критериями и временными границами выделения).

Ориентируясь на последние варианты схем общественного развития, постараемся кратко проследить зависимость изменения форм социально-массовых явлений от формы общества. В доземледельческом, первобытном обществе социально-массовые явления (социальная масса, массовое сознание) представляли собой всеобщую форму существования ранних социальных и духовных образований вообще (первобытного коллектива и его коллективно-мифологического сознания). В земледельческих обществах массовость приобретает более дробный и дифференцированный, сословно-локальный характер, основанный на классовых, корпоративных, формирующихся национальных различиях. Интегрирующую и массовизирующую роль в этих обществах играли, прежде всего, мировые религии, формировавшие внесословные религиозно-массовые элементы в сознании множества индивидов. Различные группировки масс управлялись здесь формальными (правящими) элитами, образовавшимися по сословному принципу и отчасти носящими в себе признаки действительной элиты (квалифицированной, высокодуховной).

Действие социальных и социокультурных факторов Нового времени открыло дорогу к универсализации массовости на новой основе и в новых ее формах. В эпоху буржуазных революций и на ранней стадии индустриального

общества актуализируются прежде всего социально-психологические формы социально-массовых явлений (толпа, политические публики), а также массовые демократические движения (либеральные, пролетарские, позднее – антивоенные, потребительские и т.п.), что фиксируется в повышенном научном интересе именно к этим явлениям на рубеже XIX–XX веков.

В развитом индустриальном обществе насаждение индивидам унифицированных массовых качеств приобретает всеохватывающий характер. Это означает, что выработка массовидных и утрата индивидуальных качеств происходит во всех наиболее значимых областях деятельности: производственной и потребительской, коммуникативной, аксиологической (оценочной), познавательной и других. В силу действия ряда мощных социальных и культурных факторов (подробнее эти факторы будут рассмотрены в разделе 3.2) востребуется и вырабатывается определенный тип индивида, соединяющий в себе ряд качеств: а) нетворческого, функционального типа личности, ориентированной на механическое выполнение заданной социальной роли; б) деиндивидуализированного потребителя, податливого к рекламным и другим массовым внушениям; в) повышено амбициозной личности, избавленной от самооценки, преисполненной жажды социального возвышения и достижения потребительского «максимума». Постепенно толпа и другие формы социально-психологической массовости оттесняются на задний план всеобщей атомистической массой, сплавляемой и организуемой почти исключительно внешними коммуникаторами. Массовые ценности, в том числе связанные с упомянутыми выше личностными характеристиками «массового человека» нового типа, начинают пропитывать собой и процессы культурного воспроизводства. Вероятно поэтому на начальных стадиях формирующегося постиндустриального общества, несмотря на ряд каче-

ственных перемен в социальной структуре, технологиях и т.д., видоизменяющий ряд своих внешних признаков и вырабатывающий все новые потребности, но во многом «все тот же» «массовый человек» продолжает свое победное шествие, представляя в своей растущей технической оснащенности и множющихся вожделениях теперь уже не только биосферную (то есть, в итоге, саморазрушительную), но и космическую угрозу. Отдельную проблему представляет и потенциальная возможность будущей интеграции массового человека с миром искусственного (намечающейся в замене естественных тканей организма более долговечными искусственными материалами). Вычерчивается и другая сторона развития этих процессов – растущая социализация и рационализация сознания человека в сочетании с перечисленными ранее качествами массовой личности уже сегодня, по оценкам отдельных авторов, ведут к формированию особого типа «сверхлюдей», своеобразных социальных роботов, которых А.А. Зиновьев именуется *западоидами* (58, с. 419–420).

Наиболее приближенный к конкретике новейших социально-культурных перемен вариант диалектики систем «общество» – «человек» – «культура» представляется следующим образом:

- 1) общество востребует и порождает определенный тип человека – носителя социальных ролей;
- 2) этот тип становится массовым и начинает изменять форму и само содержание культурных процессов;
- 3) формируется массовая квазкультура, воспроизводящая расширенно «массовую личность», а как итог – и массовое общество.

Таким образом, разбор эволюции форм общества и массовых явлений, первоначально осуществляемый нами относительно нейтрально и беспристрастно, в своем даль-

нейшем развертывании с неизбежностью вызывает необходимость учета ряда опасностей и негативных тенденций, исходящих со стороны современных социально-массовых явлений, а также на поиск способов предотвращения этих опасностей и тенденций. Правильное понимание социогенных и культурогенных механизмов, основных факторов формирования упомянутых явлений призвано создать аналитическую базу для осознанной выработки и запуска в действие механизмов обратного порядка, стимулирующих возрождение творческих, подлинно-элитарных, целостно-человеческих качеств индивидов. Решению этих проблем, выявлению ключевых факторов массовизации XIX–XX веков, а также наличных и потенциально возможных последствий действия этих факторов и будут посвящены следующие разделы нашей работы.